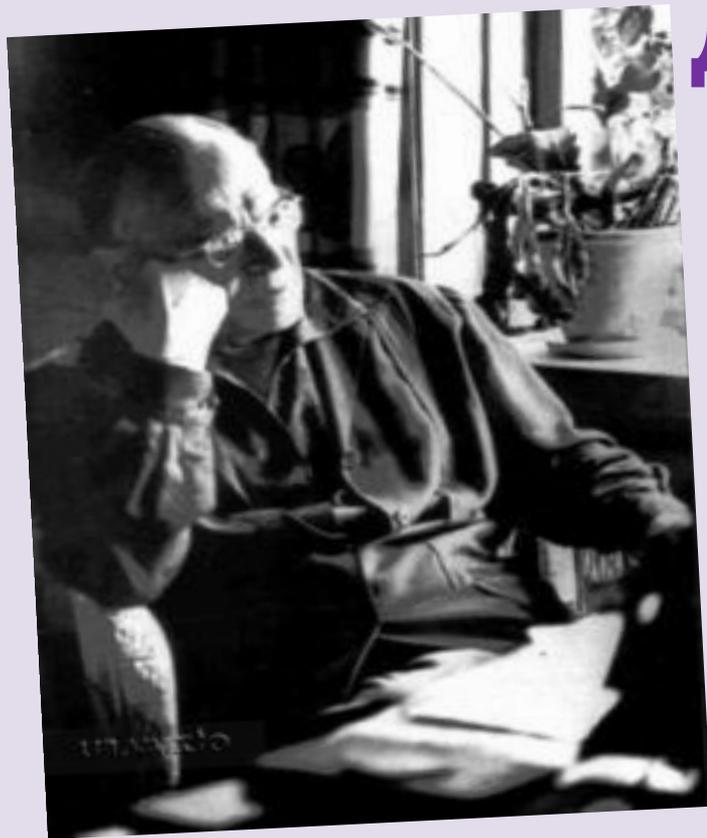

Прочитаем вместе
Константин Паустовский
Рассказ «Жильцы старого
дома»

**Константин
Георгиевич
Паустовский
(1892 – 1968)**

**«Нет хуже, когда у
человека душа сухая.
Вянет от такой жизнь, как
трава от осенней росы.»**

Константин Паустовский

ЖИЛЬЦЫ СТАРОГО ДОМА

Константин Паустовский

Рассказ «Жильцы старого дома»

Неприятности начались в конце лета, когда в старом деревенском доме появилась кривоногая такса Фунтик. Фунтика привезли из Москвы.

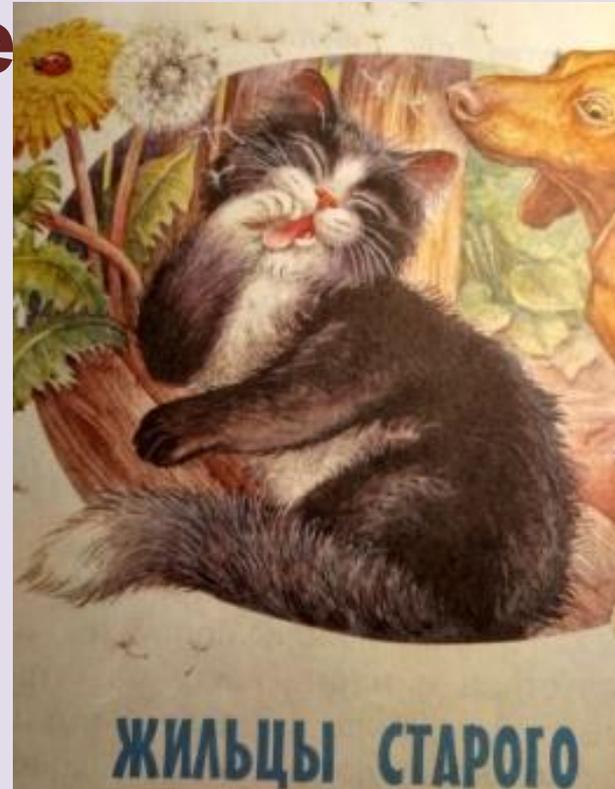

**Однажды черный кот Степан сидел,
как всегда, на крыльце и, не
торопясь, умывался. Он лизал
растопыренную пята**

зажмурившись,

тер изо всей силы

обслюненной лапой у себя за ухом.

Давайте познакомимся!

Такса Фунтик

КОТ СТЕПАН

ГОРЛАЧ
Петух

Внезапно Степан почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся и замер с лапой, заложеной за ухо. Глаза Степана побелели от злости.

Маленький рыжий пес стоял рядом.

Одно ухо у него завернулось.

**Дрожа от любопытства, пес тянулся
мокрым носом к Степану — хотел
обнюхать этого загадочного зверя.**

— Ах, вот как!

**Степан изловчился и ударил Фунтика по
вывернутому уху.**

Война была объявлена, и с тех пор жизнь для Степана потеряла всякую прелесть. Нечего было и думать о том, чтобы лениво тереться мордой о косяки рассохшихся дверей или валяться на солнце около колодца. Ходить приходилось с опаской, на цыпочках, почаще оглядываться и всегда выбирать впереди какое-нибудь дерево или забор, чтобы вовремя удрать от Фунтика.

У Степана, как у всех котов, были твердые привычки. Он любил по утрам обходить заросший чистотелом сад, гонять со старых яблонь воробьев, ловить желтых бабочек - капустниц и точить когти на сгнившей скамье. Но теперь приходилось обходить сад не по земле, а по высокому забору, неизвестно зачем обтянутому заржавленной колючей проволокой и к тому же такому узкому, что временами Степан долго думал, куда поставить

Вообще в жизни Степана бывали разные неприятности. Однажды он украл и съел плотицу вместе с застрявшим в жабрах рыболовным крючком — и всё сошло, Степан даже не заболел. Но никогда еще ему не приходилось унижаться из-за кривоногой собаки, похожей на крысу. Усы Степана вздрагивали от негодования.

Один только раз за всё лето

Степан,

сидя на крыше,

усмехнулся.

Во дворе, среди курчавой гусиной
травы, стояла деревянная миска
с мутной водой — в нее бросали
корки черного хлеба

для кур. Фунтик
подошел к миске
и осторожно
вытащил из воды

большую размокшую
корку.

Во дворе, среди курчавой гусиной травы, стояла деревянная миска с мутной водой — в неё бросали корки чёрного хлеба для кур. Фунтик подошёл к миске и осторожно вытащил из воды большую размокшую корку.

Сварливый голенастый петух, прозванный Горлачком, пристально посмотрел на Фунтика одним глазом, потом повернул голову и посмотрел другим глазом.

Сварливый голенастый петух, прозванный Горлачом, пристально посмотрел на Фунтика одним глазом. Потом повернул голову и посмотрел другим глазом. Петух никак не мог поверить, что здесь, рядом, среди бела дня происходит грабёж.

Петух никак не мог поверить, что здесь, рядом, среди бела дня происходит грабёж. Подумав, петух поднял лапу, глаза его налились кровью, внутри у него что-то заклокотало, как будто петухе гремел далёкий гром. Степан знал, что это значит, — петух разъярился. Стремительно и страшно, топя мозолистыми лапами, петух помчался на Фунтика и клюнул его в спину коротким и крепким стук. Фунтик выпустил прижал уши и с отчаянным воплем бросился ушину под дом. Петух победно захлопал крыльями и клюнул размякшего

Константин Паустовский
ЖИЛЬЦЫ СТАРОГО ДОМА

Неспрытливо, наманив в кошке ость, ноги в старом деревенском доме появилась круглоглазая тетка Фунтик. «Какие неприятности! При чём здесь твоя?» Фунтика привели из Москвы.

Однажды чёрный кот Степан сидел, как всегда, на крыльце и, не торопясь, умывался. Он любил распорядиться потихоньку, потом, аккуратно, тер всю войлок ослепительной лапой у себя на ухе. Внезапно Степан почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он оглухнул и замер с лапой, залосоненной на ухо. Глаза Степана поблели от злости. Маленький рыжий пёс стоял рядом. Одно ухо у него завернулось. Дрова от любопытства, пёс ткнулся мордой носом в Степану — хотел обнюхать этого загадочного зверя.

— Ах, вот как!
Степан изловчился и ударил Фунтика по вывернутому уху. Война была объявлена, и с тех пор жизнь для Степана потеряла всякую прелесть. Ничего было и думать о том, чтобы лениво торчать мирной о сонные окошки. Ходить приходилось с опаской, на цыпочках, по чаще оглаживаться и всегда выбирать впереди какое-нибудь дерево или забор, чтобы закрики

Подумав, петух поднял лапу, глаза его налились кровью, внутри у него что-то заклокотало, как будто в петухе гремел далекий гром. Степан знал, что это значит, — петух разъярился.

Стремительно и страшно, топая мозолистыми лапами, петух помчался на Фунтика и клюнул его в спину. Раздался короткий и крепкий стук. Фунтик выпустил хлеб, прижал уши и с отчаянным воплем бросился в отдушину под дом.

Петух победно захлопал крыльями,
поднял густую пыль, клюнул
размокшую корку и с отвращением
отшвырнул ее в сторону — должно

й.

Фунтик просидел под домом несколько часов и только к вечеру вылез и сторонкой, обходя петуха, пробрался в комнаты. Морда у него была в пыльной паутине, к усам прилипли высохшие

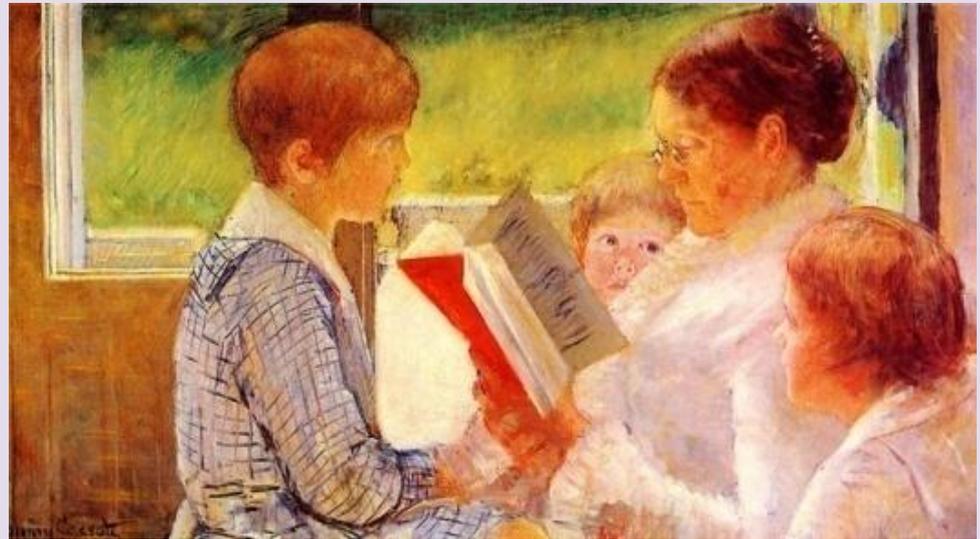
Но гораздо страшнее петуха была худая черная курица. На шее у нее была накинута шаль из пестрого пуха, и вся она походила на цыганку- гадалку. Купили эту курицу напрасно. Недаром старухи по деревне говорили, что куры делаются

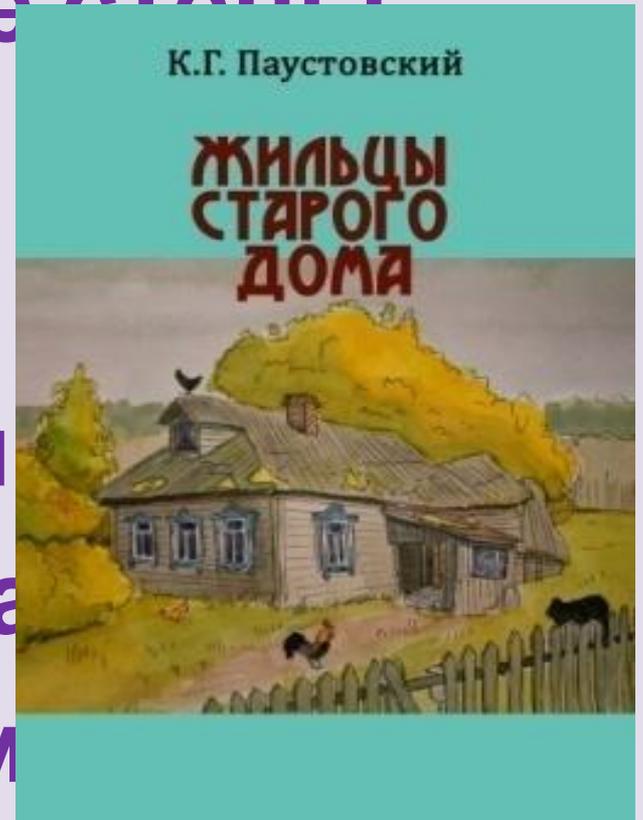
Курица эта летала, как ворона, дралась и по несколько часов могла стоять на крыше и без перерыва кудахтать. Сбить ее с крыши, даже кирпичом, не было возможности. Когда мы возвращались из лугов или из леса, то издалека была уже видна эта курица — она стояла на печной трубе кести.

Нам вспоминались средневековые харчевни — о них мы читали в романах Вальтера Скотта. На крышах этих харчевен торчали на шесте жестяные петухи или куры, заменявшие вывеску.

Так же, как в средневековой
харчевне, нас встречали дома
бревенчатые темные стены,
законопаченные
желтым мхом,
пылающие поленья
в печке и запах тмина.
Почему-то старый дом
пропах тмином и древесной
трухой.

Романы Вальтера Скотта мы читали в пасмурные дни, когда мирно шумел по крышам и в саду теплый дождь. От ударов маленьких дождевых капель вздрагивали мокрые листья на деревьях, вода лилась тонкой и прозрачной струей из водосточной трубы, а под трубой сидела в луже маленькая зеленая лягушка. Вода лилась ей прямо на голову, и она не могла пошевелиться.

Когда не было дождя, лягушка сидела в лужице под ручкомойником. Раз в минуту ей капала на голову из ручкомойника холодная вода. Из тех же романов Вальтера Скотта мы знали, что в средние века самой страшной пыткой было вот такое медленное капанье на голову ледяной воды, и удивлялись лягушке.

**Иногда по вечерам лягушка
приходила
в дом. Она прыгала че**

часами могла

сидеть и смотреть

на огонь керосиновой лампы.

**Трудно было понять, чем этот
огонь так привлекал лягушку.
Но потом мы догадались, что
лягушка приходила смотреть
на яркий огонь так же, как дети
собираются вокруг
неубранного чайного стола
послушать перед сном сказку.**

Огонь то вспыхивал, то ослабевал от сгоравших в ламповом стекле зеленых мошек. Должно быть, он казался лягушке большим светом,

где, если долго

всматриваться,

можно увидеть

в каждой грани

целые страны с золотым

водопадами и радужными

звездами.

КОНСТАНТИН
ПАУСТОВСКИЙ

Жильцы старого
дома

Лягушка так увлеклась этой сказкой, что ее приходилось щекотать палкой, чтобы она очнулась и ушла к себе, под сгнившее крыльцо, — на его ступеньках ухитрялись расцветать одуванчики.

**Во время дождя кое - где протекала крыша.
Мы ставили на пол медные тазы. Ночью
вода особенно звонко и мерно капала в
них, и часто этот звон совпадал с громким
тиканьем ходиков.**

**Ходики были очень веселые —
разрисованные пышными
розанами и трилистниками.
Фунтик каждый раз, когда
проходил мимо них, тихо ворчал
— должно быть, для того, чтобы
ходики знали, что в доме есть
собака, были настороже и не
позволяли себе никаких
вольностей — не убегали вперед
на три часа в сутки или не**

**В доме жило много старых вещей.
Когда - то давно эти вещи были
нужны обитателям дома, а сейчас
они пылились и**

рассыхались

на чердаке и

В НИХ КОПОШИЛИСЬ МЫШИ.

Изредка мы устраивали на чердаке раскопки и среди разбитых оконных рам и занавесей из мохнатой паутины находили то ящик от масляных красок, покрытый разноцветными окаменелыми каплями, то сломанный перламутровый веер, то медную кофейную мельницу времен севастопольской обороны, то огромную тяжелую книгу с гравюрами из древней истории, то, наконец, пачку переводных картинок.

К. Паустовский

ЖИЛЬЦЫ
СТАРОГО
ДОМА

Ленинградский Домская литература

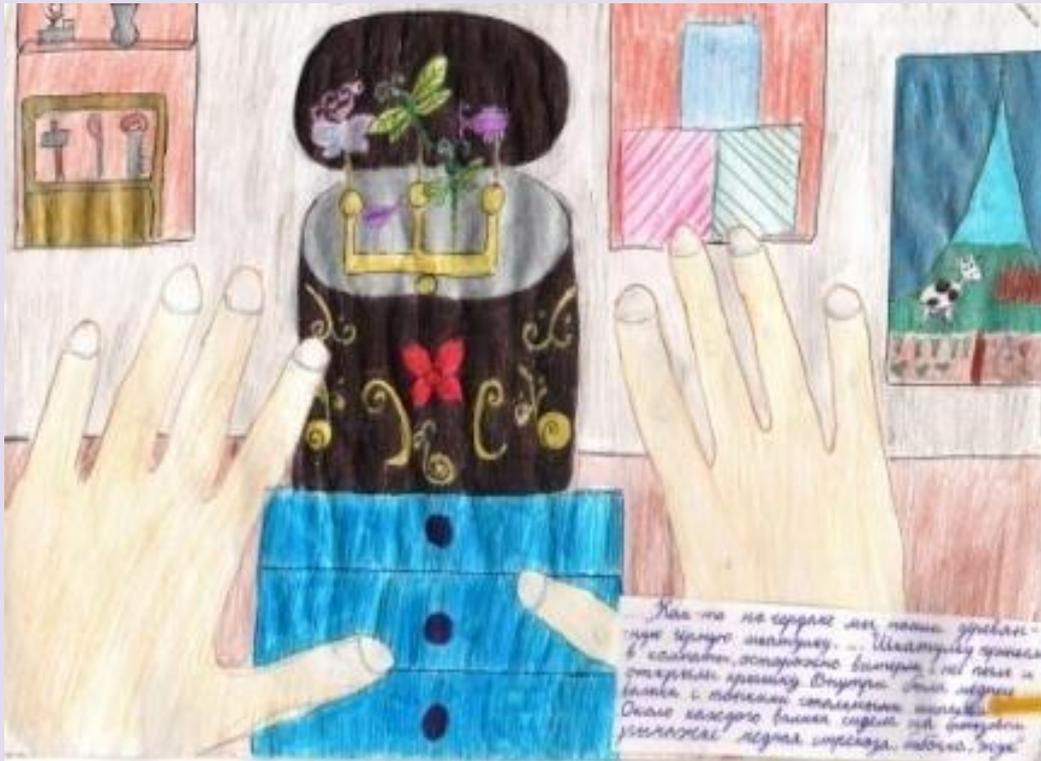
Мы переводили их. Из - под размокшей бумажной пленки появлялись яркие и липкие виды Везувия, итальянские ослики, убранные гирляндами роз, девочки в

соломенных шляпах с голубыми атласными лентами, играющие в серсо, и фрегаты,

окруженные пухлыми мячиками порохового дыма.

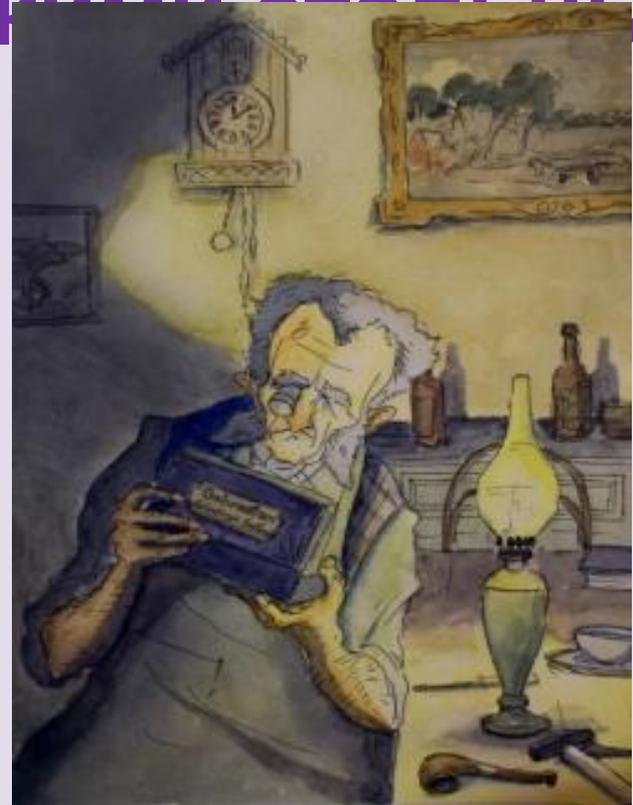
Как - то на чердаке мы нашли деревянную черную шкатулку. На крышке ее медными буквами была выложена английская надпись: «Эдинбург. Шотландия. Делал мастер Гальвестон».

**Шкатулку принесли в комнаты,
осторожно вытерли с нее пыль и
открыли крышку. Внутри были
медные валики с тонкими стальными
шипами.**

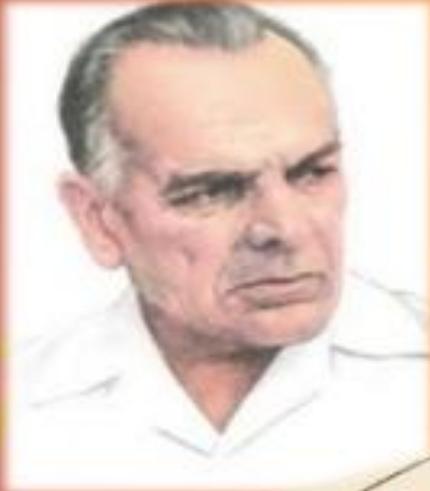
**Около каждого
валика сидела**

**на бронзовом рычажке
медная стрекоза, бабочка или
жук**

Это была музыкальная шкатулка. Мы завели ее, но она не играла. Напрасно мы нажимали на спинки жуков, мух и стрекоз — шкатулка была испорчена.

Русский писатель Константин Григорьевич Паустовский и его рассказ «Жильцы старого дома»

К. Паустовский

За вечерним чаем мы заговорили о таинственном мастере Гальвестоне. Все сошлись на том, что это был веселый пожилой шотландец в клетчатом Жилете и кожаном фартуке. Во время работы, обтачивая в тисках медные валики, он, наверное, насвистывал песенку о почтальоне, чей рог поет в туманных долинах, и девушке,

Ка

или

«

о

таи

гера

Гальвестона?

Весёлый пожилой шотландец в клетчатом пиджаке и кожаном фартуке

Как все хорошие мастера, он разговаривал с теми вещами, которые делал, и предсказывал им их будущую жизнь. Но, конечно, он никак не мог догадаться, что эта черная шкатулка попадет из-под бледного шотландского неба в пустынные леса за Окой, в деревню, где только одни петухи поют, как в Шотландии, а все остальное совсем не похоже на эту далекую северную страну.

С тех пор мастер Гальвестон стал как бы одним из невидимых обитателей старого деревенского дома. Порой нам даже казалось, что мы слышим его хриплый кашель, когда он невзначай поперхнется дымом из трубки.

А когда мы что -нибудь сколачивали — стол в беседке или новую скворечню — и спорили, как держать фуганок или пригнать одну к другой две доски, то часто ссылались на мастера Гальвестона, будто он стоял рядом и, прищурив серый глаз, насмешливо смотрел на нашу возню. И все мы напевали последнюю любимую песенку Гальвестона:

Прощай, звезда над милыми горами!

Прощай навек, мой теплый отчий

дом

Прощай, земля, —
корабль уходит в море!
Прощай навек,
мой тёплый отчий дом...

Шкатулку поставили на стол, рядом с цветком герани, и в конце концов забыли о ней.
Но как-то осенью, поздней ночью, в старом и уютном доме раздался стеклянный переливающийся звон, будто кто-то ударял маленькими молотками по колокольчикам, и из этого чудесного звона возникла мелодия:

В милые горы
Ты возвратишься...

**Шкатулку поставили на стол,
рядом с цветком герани,**

И В КОНЦЕ КОНЦОВ

забыли о ней.

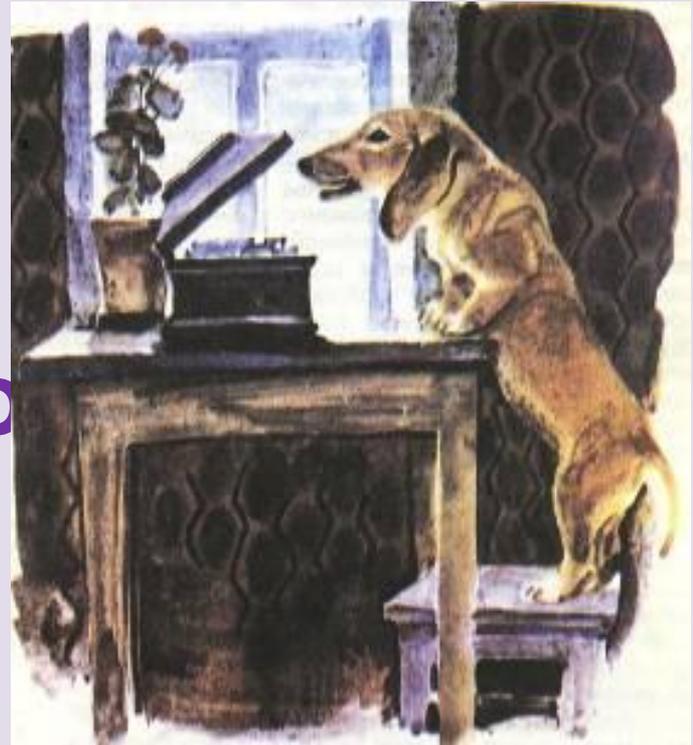
Но как - то осенью, поздней осенью, в старом и гулком доме раздался стеклянный переливающийся звон, будто кто - то ударял маленькими молоточками по колокольчикам, и из этого чудесного звона возникла и полилась мелодия:

*В милые горы
Ты возвратишься...*

**Это неожиданно проснулась после
многолетнего сна и заиграла
шкатулка. В первую минуту мы
испугались,
и даже Фунтик
слушал, осторожно
подымая то одно
то другое ухо.
Очевидно, в шкатул
соскочила какая -нибудь
пружина.**

**Шкатулка играла долго, то
останавливаясь,**

то снова наполняя

дом таинственным

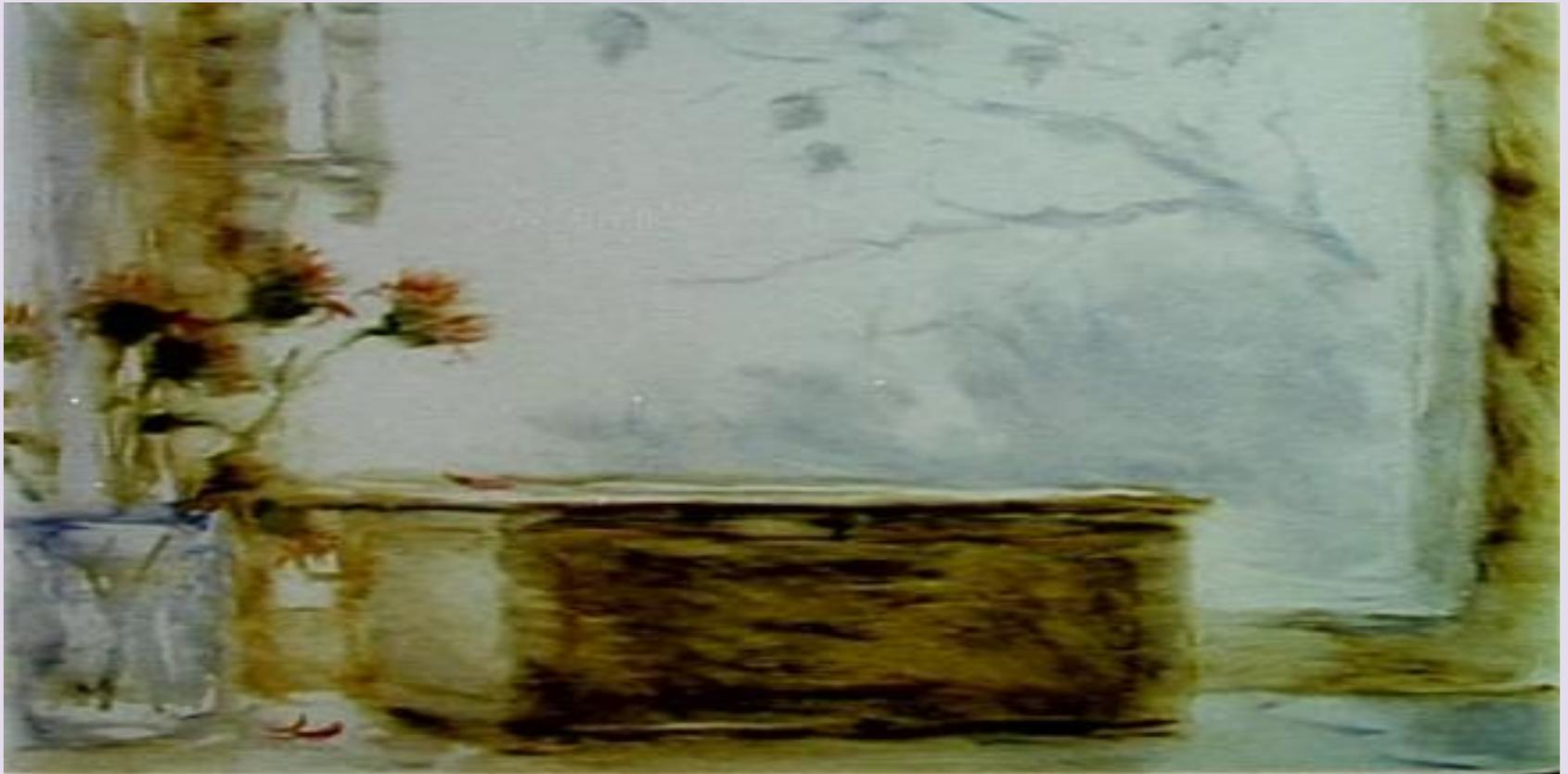
звоном, и

**даже ходики притихли от
изумления.**

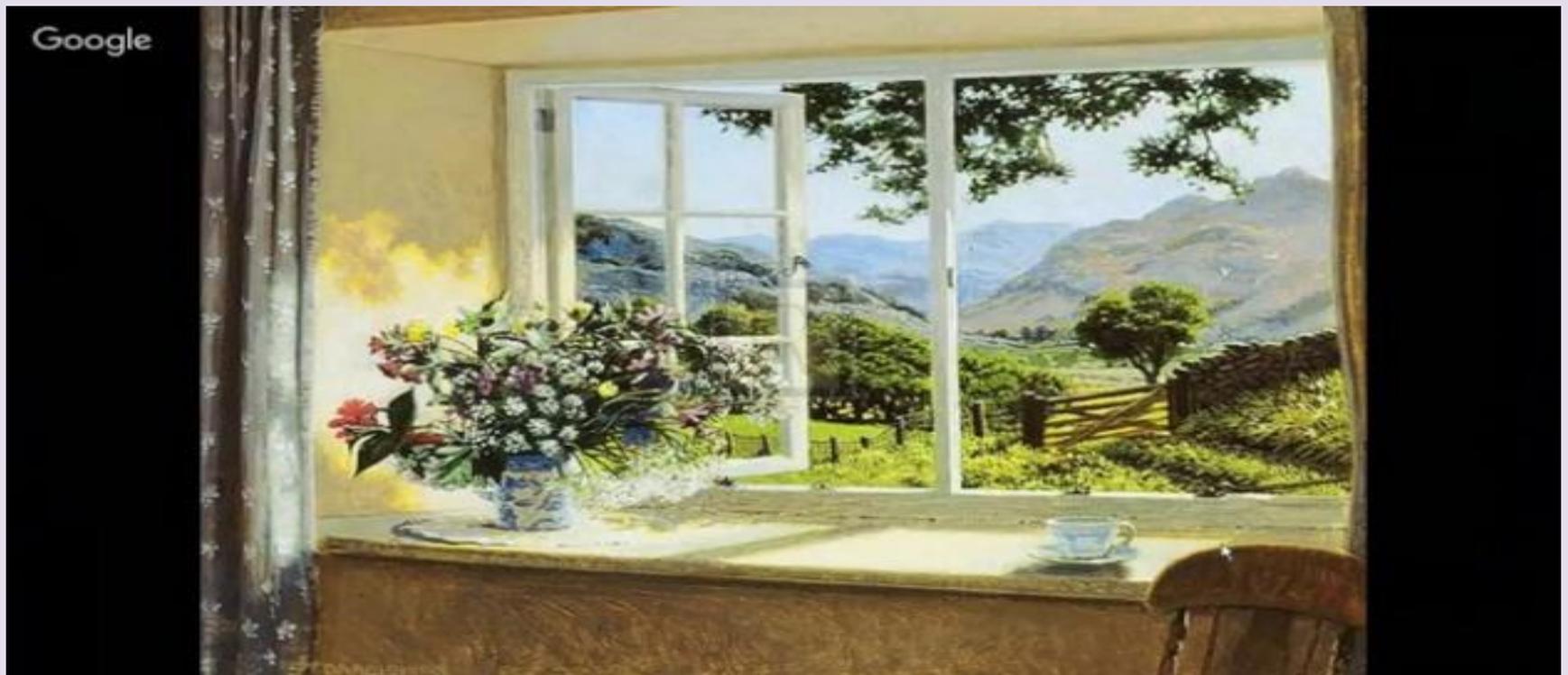

Шкатулка проиграла все свои песни, замолчала, и как мы ни бились, но заставить ее снова играть мы не смогли.

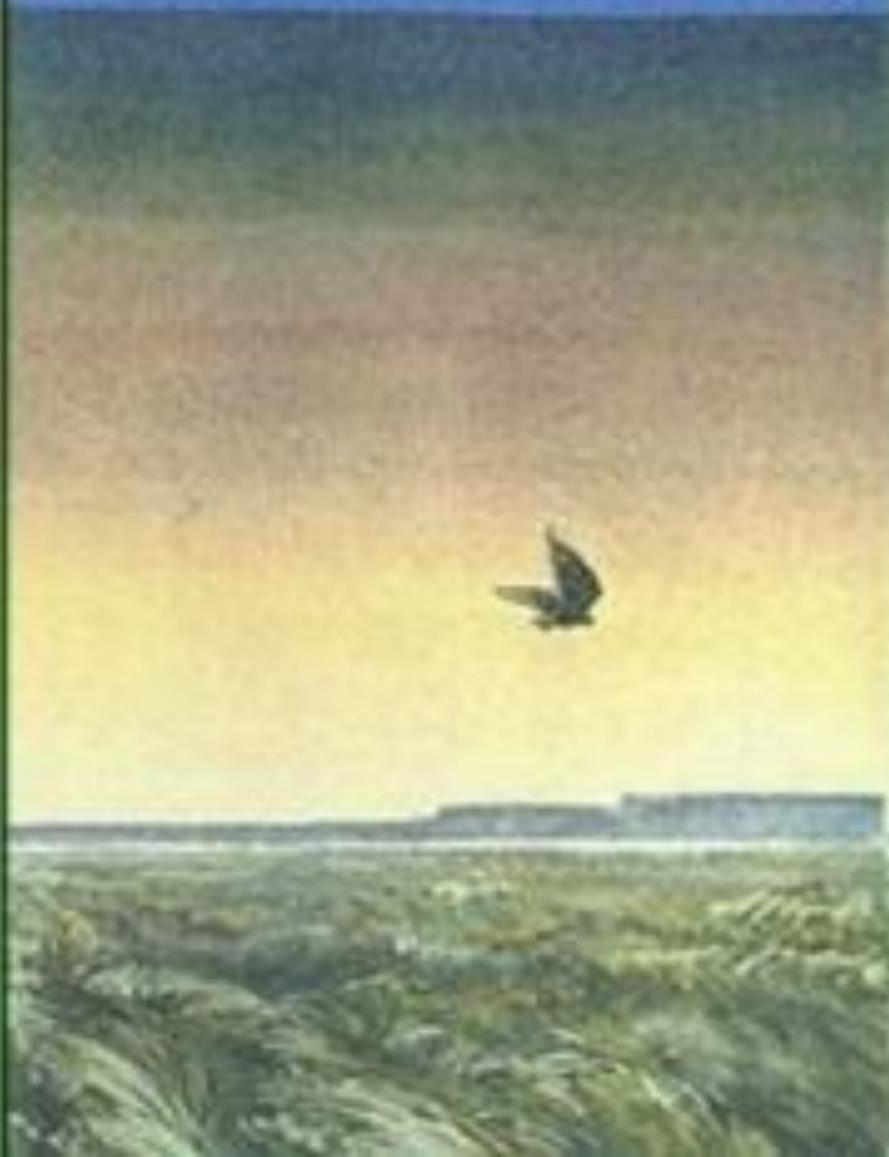
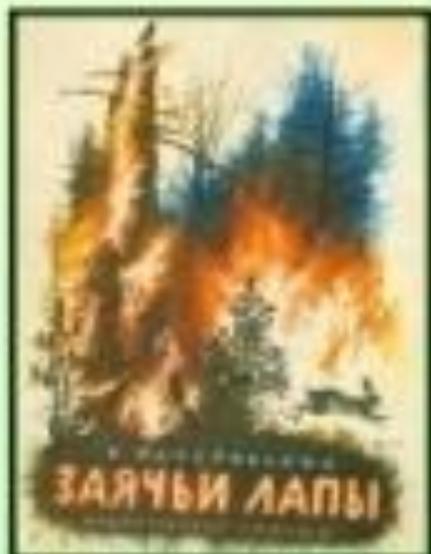
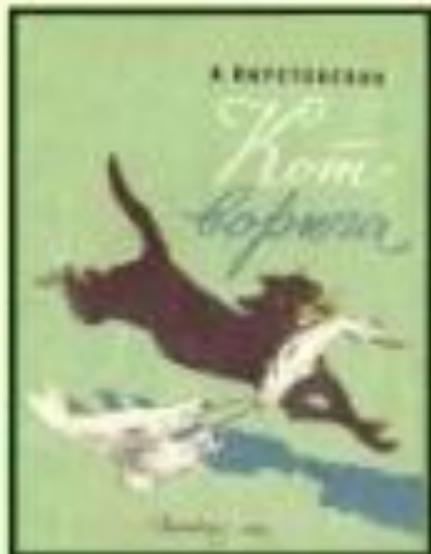
Сейчас, поздней осенью, когда я живу в Москве, шкатулка стоит там одна в пустых нетопленных комнатах, и, может быть, в непроглядные и тихие ночи она снова просыпается и играет, но ее уже некому слушать, кроме пугливых мышей.

Мы долго потом насвистывали мелодию о милых покинутых горах, пока однажды нам ее не просвистел пожилой скворец, — он жил в скворечне около калитки. До тех пор он пел хриплые и странные песни, но мы слушали их с восхищением.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Мы догадывались, что эти песни он выучил зимой в Африке, подслушивая игры негритянских детей. И почему-то мы радовались, что будущей зимой где-то страшно далеко, в густых лесах на берегу Нигера, скворец будет петь под африканским небом песню о старых покинутых горах Европы.

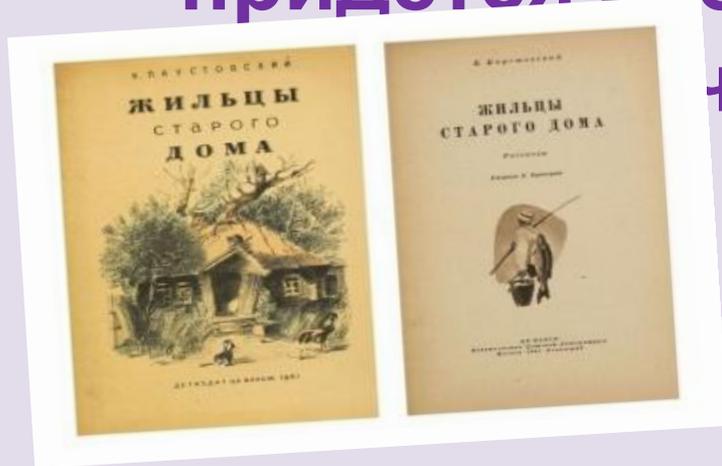
Каждое утро на дощатый стол в саду мы насыпали крошки и крупу. Десятки шустрых синиц слетались на стол и склевывали крошки. У синиц были белые пушистые щеки, и когда синицы клевали все сразу, то было похоже, будто по столу торопливо бьют десятки белых золоточков.

Синицы ссорились, трещали, и этот треск, напоминавший быстрые удары ногтем по стакану, сливался в веселую мелодию. Казалось, что в саду играл на старом столе живой щелкунчик.

Среди жильцов старого дома, кроме Фунтика, кота Степана, петуха, ходиков, музыкального ящика, мастера Гальвестона и скворца, были еще прирученная дикая утка, еж, страдавший бессонницей, колокольчик с надписью «Дар Валдая» и барометр, всегда показывавший «великую сушь». О них придется рассказать в другой раз — час уже поздно.

Но если после этого маленького рассказа вам приснится ночная веселая игра музыкального ящика, звон дождевых капель, падающих в медный таз, ворчанье Фунтика, недовольного ходиками, и кашель добряка Гальвестона — я буду думать, что рассказал вам всё

Среди жильцов старого дома, кроме Фунтика, кота Степана, петуха, ходиков, музыкального ящика, мастера Гальвестона и скворца, были еще прирученная дикая утка, еж, страдавший бессонницей, колокольчик с надписью "Дар Валдая" и барометр, всегда показывавший "великую сушь". О них придется рассказать в другой раз - сейчас уже поздно.

Но если после этого маленького рассказа вам приснится ночная веселая игра музыкального ящика, звон дождевых капель, падающих в медный таз, ворчанье Фунтика, недовольного ходиками, и кашель добряка Гальвестона - я буду думать, что рассказал вам все это не напрасно.

«Жильцы старого дома»

- Лирическая миниатюра о видимых и невидимых обитателях старого дома, которые живут своей жизнью и хранят память о прошлом
- Таинственный мир старого дома наполнен звуками и красками. Их можно увидеть и услышать в мыслях черного кота Степана и петуха Горлача, во взгляде лягушки, смотрящей на огонь керосиновой лампы, в веселом тиканье старых ходиков, в мелодии старинной шкатулки шотландского мастера Гальвестона и ещё во многом другом.

Паустовский Константин Георгиевич

1892-1968

Константин Паустовский работал на заводах, был водителем трамвая, санитаром, журналистом и даже рыбаком... Чем бы писатель ни занимался, куда бы ни ехал, с кем бы ни знакомился — все события его жизни рано или поздно становились темами его литературных произведений.

*Человек должен быть умен, прост, справедлив,
смел и добр. Только тогда он имеет право
носить это высокое звание — Человек.
К.Г.Паустовский*

